

Если бы матушка Чжоу увидела это, она наверняка начала бы ворчать, что Линь Цинхэ напрасно тратит древесину. Но у матери Чжоу не было времени прийти в этот момент, потому что семья только что получила свою долю еды, и само собой разумеется, что ее нужно было рассортировать.

Когда мать Чжоу услышала, что невестка потратила больше шестидесяти юаней на покупку еды, ее сердце замерло.

— Это намного меньше, чем в прошлом году, — прокомментировала вторая невестка.

Это было правдой. В прошлом году первоначальная владелица потратила около 80 юаней на еду, что вызвало огромное волнение в деревне. Конечно, больше всего она тогда купила пшеницы.

— Неужели она купила печку и уголь и у нее не осталось денег? — вторая невестка не нуждалась в ответе и продолжала бормотать.

Сказав эти слова, она вдруг поняла истину. В прошлый раз жена четвертого сказала, что у нее мало денег, поэтому вторая невестка не ожидала, что та сможет потратить так много, чтобы купить еду в команде, но все равно это было меньше, чем в прошлом году. Похоже, что на этот раз это действительно был конец горы.

П.р.: Возможно читатели помнят, что выражение «гора Тай» обозначает важного человека, следовательно, «конец горы», обозначает проблемы у важного человека или даже его падение.

Выражение лица матушки Чжоу было очень мрачным, и она мысленно подавила вздох. Она была свидетелем того, что жена четвертого обращалась с тремя ее внуками гораздо лучше и проявляла к семье больше внимания, чем раньше, посылая к ним домой большие кости и жирное мясо. Однако она все еще была так небрежна с деньгами.

Но ее сын не мог контролировать деньги. Сколько бы денег он не прислал, этого было недостаточно, учитывая сколько тратит жена четвертого!

Видя, что лицо свекрови скривилось, вторая невестка ничего не сказала, но все равно была чем-то довольна.

«Сколько бы ни зарабатывал четвертый шурин, это было бесполезно. Он не может противостоять жене в семье, которая тратит деньги, как проточную воду, и не относится к деньгам как к деньгам.»

Что касается старшей и третьей невестки, то у них было не так много свободного времени. Обе по очереди пользовались швейной машинкой, так как хотели быстро сшить одежду для братьев, чтобы затем заняться своей семьей.

Третья невестка работала очень быстро. Теплая хлопчатобумажная одежда и брюки для Эрва вскоре были закончены.

Хотя матушка Чжоу была сердита, она все же воспользовалась этой возможностью, чтобы отнести их.

Когда она принесла вещи, то увидела, что трое ее внуков пьют что-то вроде грушевой воды. У них было выражение полного удовлетворения и комфорта.

— Мама, ты пришла. Я приготовила для трех братьев сладкую грушевую воду, — Линь Цинхэ увидела, как она подошла, и поприветствовала ее.

Мать Чжоу спросила:

— Что это? Грушевая вода?

— Ну, влажность в эти дни довольно низкая. Вчера я видела груши в уездном городе и купила их. Сегодня я потушила грушу и каменный сахар и получила грушевую воду, — объяснила Линь Цинхэ.

— И финики тоже! — вмешался Эрва.

— Восхитительно! — сказал Дава.

— Мама, есть, — Саньва не терпелось попробовать.

Линь Цинхэ кормила его с ложечки. В ее хранилище была только одна коробка груш, но когда она покупала груши, то попросила менеджера по оптовой торговле вынуть всю дополнительную упаковку, так что вместимость одной коробки была эквивалентна двум.

То же самое с двумя коробками яблок.

Эти вещи были куплены, чтобы быть съеденными, но ее образ разрушительницы семьи давно запечатлелся в сердцах людей. Если бы кто-нибудь вышел и сказал, что она хорошая жена из бережливой семьи, никто бы не поверил.

Точно так же не верила в это и матушка Чжоу. Но, увидя, что невестка сделала это для ее троих внуков, она не стала комментировать.

— Это то, что твоя третья невестка приготовила для Эрва. Взгляни, — матушка Чжоу достала из корзины хлопчатобумажные брюки.

С одного взгляда Линь Цинхэ поняла, что одежда подходит для Эрва. Он даже сможет надеть ее следующей зимой. Конечно, она должна была сделать еще один набор для детей на следующую зиму. Но этого набора было достаточно на эту зиму.

— Это было тяжело для третьей невестки. Как только она закончит с одеждой для Дава, она сможет отдохнуть. Когда она родит, я пойду на скотобойню, посмотрю, нет ли там свиных ног, и принесу ей две, чтобы она тушила их с арахисом для большего количества грудного молока.

Матушка Чжоу услышала ее слова и заметила:

— Как можно легко приобрести это?

Естественно, Линь Цинхэ видела, что мать Чжоу заинтересовалась этим. Подавая Саньва грушевую воду, она заявила:

— Я знаю кое-кого, у нее есть знакомые внутри. Если талона нет, то цена будет выше. Если есть талон, мясо не будет дорогим.

Что касается раздачи талонов на еду в частном порядке, она знала, что нет необходимости говорить об этом всем. Достаточно, чтобы только она знала об этом.

Мать Чжоу: «!»

Она знала, что жена четвертого не принципиальна, и всегда могла достать мясо. Но она не ожидала, что та знает кого-то на бойне!

— А в это время ты можешь попытаться достать свиные ноги? — сказала матушка Чжоу.

Все они были детьми старой семьи Чжоу. Хотя она больше любит Дава и его братьев, с другими детьми тоже обращались неплохо. Особенно после того, как жена третьего повредила свое тело, когда родила Уни, и ей потребовалось несколько лет, чтобы снова забеременеть.

Если у них будет такая возможность, естественно, они хотели бы хорошо вырастить детей.

— Подожди, пока она родит, — ответила Линь Цинхэ.

Конечно такие вещи, как свиные ноги, не были редкостью. Нужно было просто пойти в кооператив спроса и предложения, чтобы заранее сообщить об этом сестре Мэй, и никаких проблем не должно было возникнуть.

Матушка Чжоу изначально планировала прийти сюда, чтобы сделать пару предостерегающих

предложений, но ее прервал этот вопрос. Сейчас не стоило об этом упоминать. Перед уходом она сказала:

— Если дома не хватит еды, дай знать семье.

Линь Цинхэ знала, что свекровь делает это для троих своих внуков, но все же она была благодарна.

Однако она отказалась, сказав:

— Не надо, дома еще много осталось. Но если у нас действительно не будет еды, то я обязательно скажу, — в конце концов, она оставила некоторую свободу действий.

Мать Чжоу посмотрела на трех внуков, которых воспитывали все более и более правильно, поэтому ничего не сказала.

После того как трое ее сыновей съели сладкие груши, она позволила им продолжить заворачивать шерсть. Дава и Эрва не возражали против того, чтобы ими командовали, потому что каменный сахар и грушевая вода, которую они пили сегодня, были такими вкусными!

К вечеру клубки пряжи были полностью замотаны.

Линь Цинхэ потушила ребрышки с кунжутом в кастрюле на плите.

Кунжут был куплен сегодня, и его было немного трудно вымыть. Но она все еще была в состоянии вымыть его начисто.

Кашу из кунжута с ребрышками подавали с солеными огурцами и беконом. Ей было лень разогреть бекон, поэтому она бросила его сразу в кашу.

Однако даже так Дава и Эрва ели это с удовольствием и хвалили, что кунжутная каша с ребрышками была действительно вкусной!

Поев, Линь Цинхэ убрала миски и палочки. Видя, что небо еще не совсем потемнело, она убрала одежду и позволила Дава и Эрва взять Саньва поиграть у входа, а сама принялась вязать свитера.

Было всего пять часов. В это время большинство людей в деревне только начинали готовить, в то время как ее семья уже закончила есть.

Жители деревни увидели Дава, Эрва и Саньва, играющих у дверей, и с улыбкой спросили их, ели ли они белую муку.

На самом деле это была не более, чем зависть. Но не было никакой возможности остановить это.

Сколько пшеницы и муки получают сельские жители после тяжелой работы в течение всего года?

В то время как Линь Цинхэ ничего не нужно было делать. Она осмелилась купить у команды целых 50 килограммов пшеницы. Только восемьдесят процентов из этого превращается в муку, что эквивалентно примерно 40 килограммам!

Как люди в деревне могли не быть завистливыми?

— Не было белой муки. Я ел ребрышки с кунжутом, — Дава поднял брови и ответил мужчине.

Мужчина поперхнулся и обиженно отошел.

— Ты еще не доел рис дома? — спросил кто-то, услышав о ребрышках.

Говорили, что вчера Линь Цинхэ взяла Чжоу Дуна, чтобы привести тележку с товаром из города.

У Чжоу Дуна был твердый рот, и они ничего не могли вытащить из него. Никто не знал, что именно Линь Цинхэ купила.